

— Ты где? — спросил Лу Шицин.

— На торговой улице, в отеле, где мы раньше останавливались. Я в холле, прячусь от дождя, не торопись, — ответил Чэнь Фан.

— Жди меня.

Лу Шицин, только что оправившийся от травмы, соскочил с кровати, схватил зонт из кучи вещей и выбежал из общежития.

Ливень продолжался, сопровождаемый многократным эхом грома, даже брызги воды, поднимающиеся с земли, казались зловещими.

Чэнь Фан сидел на диване в холле отеля. Чёлка, слегка промокшая от дождя, прилипла ко лбу, ресницы были влажными, и глаза, словно пропитанные дождем, блестели. Он осторожно вытирал рукавом капли воды с коробки для торта на столе.

Небо было пасмурным весь день. Чэнь Фан тайком от Лу Шициня забрал заранее заказанный торт, и как только вышел из магазина, попал под дождь, побежал немного быстрее.

Промокнуть под дождем было не так уж важно, он не особо переживал, но сегодня был особенный день, не просто обычные выходные.

День рождения Лу Шициня.

Это был день, когда свет спустился на землю, и он был необычайно тороплив, не мог дожидаться окончания дождя.

Свет тоже торопился.

— Фан.

Лу Шицин, торопливо сложив зонт, вошёл внутрь, тяжело дыша. Штаны до колен были забрызганы тёмными пятнами воды, вероятно, он бежал.

— Разве я не говорил, что не стоит торопиться? — Чэнь Фан встал, вытер капли воды, стекающие по вискам Лу Шициня. Тёплые, это был пот. — И всё же бежал.

— Почему ты не домой? — Лу Шицин сказал Чэнь Фану, но не в упрёк, а в тоне заботы. В поле зрения за спиной Чэнь Фана мелькнул угол прозрачной коробки, обернутой золотой лентой. Внутри был торт, не слишком большой, украшенный кусочками жёлтого персика, которые он любил. — Это что?

— Утром специально не напомнил тебе, и ты не вспомнил. Оказывается, ты даже свой день рождения забыл, — Чэнь Фан смотрел на Лу Шициня, улыбаясь. — С днём рождения, Цин.

Лу Шицин сначала замер, выглядел удивленным. Очевидно, Чэнь Фан попал в точку, и он полностью забыл о своём дне рождения.

Неудивительно. Его день рождения никогда никого не интересовал, не было торта, не было поздравлений, никаких ритуалов, и он сам постепенно перестал обращать на это внимание. Для него день рождения был просто напоминанием, что в какой-то фиксированный день каждый год он становится на год старше. Ничего особенного.

Придя в себя, Лу Шицин посмотрел на Чэнь Фана, затем обернулся к тарту на столе, указал на торт и себя, снова подтверждая:

— Это мне?

— Да, — Чэнь Фан твёрдо кивнул, словно хотел вбить этот ответ в сердце Лу Шициня. — Написано твоё имя желе, посмотри.

Лу Шицин подошёл к столу, через коробку с бантом из ленты посмотрел на торт. Возможно, желе было недостаточно густым, или его имя было слишком сложным, надпись на белом креме была немного размыта, некоторые пустые места были заполнены желе, но он всё равно разобрал слова на торте, написанные Чэнь Фаном.

«Цин, с восемнадцатилетием! Будь всегда светлым».

Последняя вертикальная черта в иероглифе «Цин» была особенно прямой, что соответствовало привычке письма Чэнь Фана: мягкой, аккуратной, без резких линий.

Лу Шицин пальцем слегка коснулся поверхности коробки там, где были буквы, улыбнулся, взял руку Чэнь Фана и сказал:

— Фан, спасибо.

— Эй, молодые влюбленные, если хотите поговорить по душам, не делайте этого в моём холле, — мужчина за стойкой высунул половину лысой головы, вставил своё слово, вовремя и не вовремя. — Наверху есть свободные комнаты. Вы можете взять одну и поговорить там, ладно?

— Брат номер? — спросил Лу Шицин.

На самом деле он взял зонт, и даже если на улице шёл сильный дождь, идти назад было недалеко, и он бы не промок. Но он всё равно спросил и инстинктивно спрятал зонт за спину, глядя на Чэнь Фана.

Чэнь Фан слегка прикусил губу, затем отпустил, словно принял какое-то важное решение, глубоко вздохнул и сказал:

— На улице сильный дождь, ты немного промок... Можно снять номер, чтобы просушиться.

— Хорошо.

Лу Шицин быстро согласился, сразу же пошёл оформлять заселение, словно боясь, что Чэнь Фан передумает. Взял ключ от номера, поднял торт и вместе с Чэнь Фаном поехал на лифте в комнату.

На улице дождь уже стих, мелкие капли падали на окно, звук был гораздо слабее, чем раньше, мягче.

Коробка была поставлена на тумбочку, немного выпирая. Лу Шицин посмотрел на Чэнь Фана, рукой подержал край, чтобы развязать ленту, и что-то с края коробки упало на пол. Чэнь Фан поднял.

— Тарелка, ещё свечи и корона, — сказал Чэнь Фан.

— А.

Лу Шицин смотрел на бумажную корону и пёстрые свечи в руках Чэнь Фана, которые совсем не соответствовали его характеру. Он понимал, что уже не ребёнок, чтобы радоваться задуванию свечей и ношению короны, но всё же взял их из рук Чэнь Фана.

Это было то, что Чэнь Фан приготовил для него. Его день рождения, который он никогда не отмечал, и он не хотел ничего пропустить.

Бумажная лента была обернута по размеру и надета на голову Лу Шициня. Станный вид вызывал у него некоторое беспокойство, он поправил волосы, но не снял корону. Чэнь Фан также вытащил свечи, посчитал. Их было меньше восемнадцати. Он замер, словно боясь, что необдуманное решение оставит сожаление, не зная, что делать.

— Я сам.

Лу Шицин взял из рук Чэнь Фана две свечи, воткнул их в центр торта, специально близко друг к другу:

— Две свечи символизируют нас двоих. Этого достаточно.

— Мм.

Чэнь Фан взял спички, которые дали в магазине, чиркнул ими и, предупреждая Лу Шициня, сказал:

— Я зажгу свечи, а ты закрой глаза и загадай желание.

— Хорошо, — Лу Шицин улыбнулся.

Из-за пасмурной погоды в комнате было немного темно, они не включали свет, и маленькие огоньки были особенно яркими.

Лу Шицин перевёл взгляд с торта на свечи, затем на глаза Чэнь Фана, увидел две искры, прыгающие в чёрных зрачках, удовлетворённо закрыл глаза и услышал, как Чэнь Фан тихо поёт ему песню на день рождения.

Это был первый раз, когда он отмечал день рождения так полно. Хотя обычно он бы отверг все эти ритуалы, Чэнь Фан сделал их совершенно другими. Это было ново, и он был странно счастлив.

Хотя он не мог опуститься до того, чтобы сложить руки, как девушка в телешоу, и загадывать желание, и не мог сказать ничего сентиментального, чтобы выразить свои чувства, но он был счастлив. И считал, что этот момент должен быть одним из самых счастливых моментов, проведённых с Чэнь Фаном.

Мелодия песни была знакомой. Чэнь Фан пел без особого мастерства. Лу Шицин уже без раздумий загадал желание, но всё же хотел послушать ещё. Когда песня полностью закончилась и Чэнь Фан долго молчал, он открыл глаза и посмотрел на Чэнь Фана. Свечи с огоньками тихо горели на торте.

— После того, как загадаешь желание, нужно задуть свечи, — напомнил Чэнь Фан.

— Пусть горят ещё немного, — Лу Шицин не торопился. Наоборот, он чувствовал, что пока огоньки не погаснут, это чувство радостного ожидания будет продолжаться.

Свечи горели не слишком быстро. Когда первая капля воска скатилась, Лу Шицин вдруг сказал:

— Кстати, а где мой подарок на день рождения?

— У меня есть, но не знаю, понравится ли тебе, — Чэнь Фан опустил глаза, затем снова посмотрел на Лу Шициня, и в его глазах, казалось, появилось что-то кроме огоньков свечей. — Сначала съешь торт.

— Какой подарок? Не томи, — Лу Шицин, видя, что Чэнь Фан не торопится доставать подарок, забеспокоился.

И тут Чэнь Фан медленно встал, не взял вилку, а только пальцем слегка коснулся поверхности торта, набрал немного крема на кончик пальца и намазал ему на губы.

Лу Шицин схватил руку Чэнь Фана, инстинктивно лизнул крем с губ. Сладость разлилась по вкусовым рецепторам, но он, кажется, не особо обращал на это внимание, только вспомнил похожую сцену.

После того собрания по спартакиаде язык Чэнь Фана, скользнувший по его пальцу, тёплый и влажный, очень напоминал текущую атмосферу.

— Это... зачем? — голос Лу Шициня стал чуть хриплым.

— Дарю тебе подарок, — ответил Чэнь Фан.

<http://bllate.org/book/16746/1540167>